

УДК 159.98+615.851]:177.3

А. Ф. Бондаренко

ФЕНОМЕН ЛЖИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ И ПСИХОТЕРАПИИ

У статті розглядається проблема брехні в сучасній практиці психологічного консультування і психотерапії. Автор розглядає причини та частоту довільної або умисної маніпуляції смислами з боку як психолога, так і пацієнта. У статті піднімається питання про те, наскільки справжнім і наскільки маніпулятивним змушені бути психолог або лікар-психотерапевт в їх професійній ролі, а також розглядаються можливі причини даного стану речей в сучасній психотерапії та консультативної психологічної практиці.

Ключові слова: психотерапія, наука, брехня, анти психіатрія, ідеологічні основи, ціннісні смисли, діагноз, фармакологічна підтримка, рефлексія, комерціалізація психотерапії.

In the article the problem of lies in modern practice of counseling and psychotherapy is discussed. The author examines the causes and frequency of intentional or unintentional manipulation both by a psychologist and a client. The article raises the question of how genuine and how manipulative must be a psychologist or psychotherapist in their professional role, and discusses the possible reasons for this state of affairs in modern psychotherapy and counselling.

Key-words: psychotherapy, science, lies, anti-illness, ideological groundworks, values, diagnosis, pharmacological support, reflection, commercialization of psychotherapy.

В статье рассматривается проблема лжи в современной практике психологического консультирования и психотерапии. Автор рассматриваем причины и частоту вольной или невольной манипуляции смыслами со стороны как психолога, так и пациента. В статье поднимается вопрос о том, насколько подлинным и насколько манипулятивным вынуждены быть психолог или врач-психотерапевт в их профессиональной роли, а также рассматриваются возможные причины данного положения вещей в современной психотерапии и консультативной психологической практике.

Ключевые слова: психотерапия, наука, ложь, антипсихиатрия, идеологические основы, ценностные смыслы, диагноз, фармакологическая поддержка, рефлексия, коммерциализация психотерапии.

Специфика психотерапии в том, что она единственная в сфере научных дисциплин отрасль, которая может обратиться непосредственно ко всей психике человека – ее биодинамической и чувственной ткани, личностным и трансперсональным смыслом, приближая тем самым способ психотехнического воздействия к способам взаимодействия с реальностью, свойственным искусству.

И в этом, собственно говоря, нет никакого подвоха. Наука – **способ человеческой деятельности**, главный принцип и сверхзадача которой – открытие и обоснование истины как всамделишной причинности происходящего, подлинная каузация которого может далеко

выходить за пределы тех оснований мыслимого, что на данный момент представляются очевидными. Яркий пример тому – классификация темпераментов, предложенная Гиппократом: объективно существующие психодинамические отличия людей были выведены из умозрительных заключений, что отнюдь не умаляет значимости реальности, хотя и неверно трактуемой. Как и нисколько не противоречит тому обстоятельству, что научное сознание не только не может поддерживать вымысел, краеугольный камень искусства, но – более того – осознанно стремится опровергнуть вымысел во имя утверждения истинностного знания как гносеологического основания понимания происходящего и, на этой основе, поиска и определения онтологически значимых решений.

Искусство же покоится на **ВЫМЫСЛЕ**, естественным оправданием чего служит то, что как наука служит истине, так искусство служит красоте и добру. Если же искусство не служит ни красоте, ни добру, как это происходит, к примеру, с современным декадансом, именуемым термином постмодернизм, а научное исследование подменяется идеологическими построениями, неважно как именуемыми – «глобализацией», «психоанализом», «марксизмом» или «мыследеятельностью методологией», тогда сам собой возникает вопрос, каково же на самом деле назначение того и другого. Равным образом подобный же вопрос вполне правомерно адресовать и современной консультативной психологии и психотерапии. Разве не очевидно, что эти дисциплины призваны служить оздоровлению человека и повышению качества его личной и социальной жизни? Как разве не очевидным является и тот факт, что, как правило, нормальное течение жизни нарушается прежде всего ее искажениями вследствие болезненных состояний и расстройств, злонамеренных или ошибочных действий или рокового стечения обстоятельств? И, что немаловажно, как осознание действительных причин происходящего, (что само по себе требует колоссальных усилий и ограничено как уровнем развития научных исследований, так и уровнем образованности специалиста и его исследовательскими возможностями, не говоря уже о том, что при столкновении, скажем, с необратимыми действиями, постижение причин происходящего не возвращает ситуацию в исходный status quo), так и преодоление этих причин далеко не всегда оказывается возможным. Вот почему как консультативная психология, так и психотерапия зачастую выполняют функции немаловажной, но все же **паллиативной** поддержки страдающему человеку. В искреннем отказе понять, признать и принять специалистами помогающих профессий эту функцию как данность, как подлинную реальность собственной миссии в огромном большинстве ситуаций психологической помощи и состоит, на мой взгляд, подлинная проблема вольной или невольной лжи и манипуляции в современной психотерапии и консультировании.

Рассмотрим феномен лжи, в различных его проявлениях, с обеих сторон. Вначале, что гораздо проще, – со стороны страждущего. Затем, что гораздо сложнее, – со стороны специалиста, оказывающего профессиональную помощь.

Начну с простого тезиса, в справедливости и истинности которого усомниться трудно. Трудно, поскольку ежедневная практика психологов-консультантов и психотерапевтов подтверждает его безоговорочно.

Тезис этот состоит в том, что как психологи-консультанты, так и их пациенты, или (как любят говорить наши американизированные коллеги, клиенты) вольно или

невольно лгут друг другу. Лгут так или иначе, но безудержно и непрерывно. Причины этого хорошо известны и детально описаны в литературе.

Ложь со стороны страждущего, со времен Фрейда изящно именуемая «проявлением сопротивления», или «защитой», обусловлена хорошо известными и весьма подробно описанными в литературе причинами. Клиенты (пациенты) лгут:

- 1) т.к. стыдно или больно сказать правду;
- 2) т.к. отрицают очевидное, не желая его признавать;
- 3) т.к. опасаются осуждения психотерапевта;

4) т.к. опасаются, что квалифицированный психолог может сориентироваться в клинической симптоматике пациента и направить его к психиатру или сообщить о своих соображениях родственникам;

- 5) т.к. не доверяют;

6) т.к. ложь и выдумка могут выполнять функцию произвольных попыток совладания с травматическим переживанием.

Кроме того, обратившиеся за консультацией люди лгут, т.к.:

- 7) просто не хватает времени сказать правду;
- 8) пытаются поддержать позитивный образ себя в целом;
- 9) возникший трансфер искажает подлинное поведение.

Повторюсь, что со времен Фрейда этой лжи, имеющей, в основном, сугубо психологическую подоплеку и личные, или личностные основания был придан официальный статус и наименование «защитный механизм». С тех пор, насколько нам известно, кроме более-менее детальных описаний форм этих защитных механизмов, обобщающих явление сопротивления обнажению интимного содержания переживаний, дело не продвинулось. Более того, нам не известны какие-либо научные, а не в рамках той или иной идеологии предпринятые попытки проблематизировать сам феномен лжи как необходимый этап консультативных или психотерапевтических усилий, хотя, скажем, еще К. Юнг подчеркивал не обязательный характер трансфера как одного из неперемных условий или феноменов психоаналитической работы.

Не останавливаясь специально на значимости деонтологической, этической позиции практикующего психолога или психотерапевта, которая диктуется целесообразностью использования феномена «плацебо», равно как и учетом возможных пагубных последствий ятрогении вследствие известного феномена «ноцебо», рискну проблематизировать вторую часть обозначенного выше вопроса, а именно: по каким причинам и как часто лгут своим пациентам психологи-консультанты и психотерапевты?

Или, в более мягкой форме, **насколько подлинным и насколько манипулятивным вынуждены быть психолог или врач-психотерапевт в их профессиональной роли?**

Чтобы больше не ссылаться на отцов-основателей современного психоанализа с их искренними фантазиями о том, что, скажем, шизофрения или депрессия происходят в результате «нарциссических» расстройств личности, или в результате проявления бессознательной тревоги, вызванной неразрешимым гомосексуальным конфликтом. Или, что причиной аутизма выступает недостаток материнской заботы. Или, что «Эдипов» комплекс является универсальным феноменом, причем биологического толка, а не социокультурным

следствием некоторых религиозных и имущественных традиций, и тому подобными никем не доказанными искусственными спекуляциями, остановлюсь на гораздо более понятной нам концепции гуманистической психологии.

Гуманистическая психология и психотерапия отрицают манипулирование людьми, отстаивает принцип подлинности, аутентичности отношения к страждущему и ищущему эмоциональной поддержки человеку, утверждает важность позиции «не судить и не оценивать». И конечно не разделяет восторгов бихевиористов по поводу директивного или недирективного гипноза, или соображений о том, что время от времени речь должна идти о постановке диагноза.

Хорошо известны основные принципы этого направления:

- 1) Я – в сущности конструктивное и рациональное;
- 2) Люди обладают потенциальным стремлением к самоактуализации;
- 3) Люди заслуживают доверия и, если убрать препятствия и сопротивления, т.е. защиты (благодаря благожелательной атмосфере и конгруэнтности), они (люди) становятся сами собой.

Кто бы спорил, верно?

Между тем, наши исследования высказываний, К. Роджерса показали, что ни по своей структуре, ни по семантике, ни по технике, в сущности, не отличаются от высказывания Милтона Эриксона. Разве что по количеству слов. Но сущность психологического воздействия одна и та же: наведение транса и не прямое (косвенное) внушение. В самом деле, достаточно Наиболее распространенными грамматическими конструкциями роджерсианского психотерапевта являются: 1) предложения с *сослагательным наклонением* («I'd like», «I'd wish»¹); 2) *придаточные уступительные* («Although I don't know you well, I've got the impression that...»²); 3) *придаточные с противительными союзами* («Carl can work alone but I love us to work together»³); 4) *конструкции с двойным отрицанием* («Don't understand us as if we don't care about it»⁴); 5) *конструкции с аффективной метафорой-сравнением* («I see that you love your work so much even though the school looks like a madhouse sometimes»⁵).

Особое место занимают высказывания, содержащие предикации, отражающие активацию сенсорных, перцептивных и эмотивных процессов в том числе с эмфатическим выделением: «I feel...», «I listen to you...», «I see...», «You feel...», «I realize...», «I've noticed...», «I've got the impression that...», «I like...», «It feels...», «You were confused...», «You felt embarrassed...»⁶ и т.п. При этом нередко используются метафоры, сравнения, вообще образный ряд, в котором задействованы зрительные, слуховые и персонифицированные ассоциации, а также *косвенные, т.е. недирективные суггестивные*

¹ «Мне бы хотелось», «Я бы желал».

² «Хотя я вас не очень хорошо знаю, впечатление такое, что...».

³ «Карл умеет работать один, но я обожаю, когда мы работаем вместе».

⁴ «Не поймите нас так, что нас это не беспокоит».

⁵ «Я вижу, вы так любите свою работу, даже если школа порой похожа на сумасшедший дом».

⁶ «Я чувствую...», «Я слушаю вас...», «Я вижу...», «Вы чувствуете...», «Я осознаю...», «Я заметил...», «У меня впечатление, что...», «Мне нравится...», «Чувствуется...», «Вы были в смятении...», «Вы почувствовали неловкость...».

высказывания. Они либо содержат в себе те или иные пресуппозиции, либо несут открыто выраженные ожидания, пожелания и иного рода инструктивные побуждения, что, безусловно, придает им вполне понятный суггестивный потенциал. Virtuозность построения роджерсианского психотерапевтического высказывания состоит в использовании следующего алгоритма: 1) предикация «Я-субъектная» («Я чувствую...») + 2) предикация «Ты-субъектная» («Вы в смятении») + 3) предикация, относящаяся к ситуации. При этом первые две обязательно соотносятся с аффективно-сенсорно-перцептивными процессами, а третья несет в себе каузальность обстоятельств (времени, образа действия), т.е. ситуации. Подобная серия предикаций соединяется либо соответствующими союзами (уступительными, противительными, соединительными), непременно формируя сложносочиненное или сложноподчиненное предложение, либо, значительно реже, разделяется паузами, обозначающими отдельные предложения. Дискурс же в целом, т.е. совокупность высказываний, объединенных единой темой или смыслом, «засеивается» (термин М. Эриксона) суггестивными вкраплениями в виде психотерапевтических принципов, постулатов или обобщенных ожиданий, пожеланий, т.е. *внушений*, индуцирующих измененное состояние сознания

Приведем типичные примеры. «I'd like to say: *everyone will acquire a lot both in cognitive and practical spheres. Something will join you*»; «I hope that *when the group's finished everyone will feel his potentials and recourses raised. Everyone will become more confident...*»; «Today I really felt *the process going on*»⁷... и т.д

Дело в том, что подобное рассеивание внушений, индуцирующих транс, ничем не отличается от психотехники, принятой в когнитивно-поведенческом подходе, к примеру, в *недирективном гипнозе Милтона Эриксона*. Просто предварительное введение в контекст психотерапии («присоединение» в НЛП) обеспечивается с помощью псевдофизической терминологии из гештальт-психологии 30-х годов, философии экзистенциализма и прагматизма первой трети XX века.

Далее. По своему идеологическому содержанию постулаты гуманистической психологии представляют собой не что иное, как секуляризированную версию протестантизма с **его принципами** богоизбранности богатых, произвольно толкуемой «свободы» и автономности личности (в пределе ведущих к крайнему индивидуализму; напомним, по латыни *individuum* – то же, что по-гречески «атом» – неделимая, изолированная частица), а также с протестантским же принципом полноценного функционирования, т.е. самоотверженной работы на себя (и в пределе – на свою семью), значимость которого в формировании менталитета частнособственнического общества обстоятельно доказана еще М. Вебером. Кроме того, этот изощренный вариант религии эпохи становления частнособственнического капитализма четко провозглашает еще один важный, но абсолютно идеологизированный, т.е. произвольный и оправдывающий интересы преуспевающих собственников принцип: если у тебя что-то не получилось, ты недостаточно

⁷ «Я хочу сказать: каждый многое приобретет для себя как в познавательной, так и в практической сферах. Вас что-то будет связывать»; «Я надеюсь, что к завершению группы каждый человек почувствует, что его возможности и силы возросли. Каждый станет более уверенным...»; «Сегодня я на самом деле чувствовал, что происходит процесс».

самоактуалізувалися, не досягнувши «успеху», т.е. не преуспів в справі заробітку грошей, то винуват ти сам. Не суспільство, не обставини, не то і інше в якійсь-то пропорції, а саме ти особисто (см. 1, с. 10–14).

Совершенно очевидно, что это определенная философия, точнее, идеология. Что касается этики, выраженной данным постулатом, то это этическое течение известно и описано современной наукой как **этический релятивизм**. Абсурдность релятивистской морали заключается в том, что отрицается действительность, т.е. само существование абсолютного этического принципа, но утверждается при этом абсолютное свое личное право на ту или иную точку зрения. По типу: «Я не берусь утверждать, что такое зло или добро, но я чувствую, что я внутри себя добрый и хороший человек».

И вот я позволю себе задать три простых вопроса:

1) Не пришло ли время всему нашему психотерапевтическому сообществу отразиться на своих социокультурных и профессиональных идентификациях?

2) Не пора ли понять, что научное мышление, т.е. мышление, обеспечивающее понимание происходящего, начинается не тогда, когда мы анализируем сценарий отдельно взятого фильма, а когда мы анализируем репрезентативную выборку сценариев определенного жанра. Тогда можно вскрыть идеологию, которую нам предлагают их авторы.

3) Не пора ли осознать, что в том виде, в котором мы заимствовали предельно коммерциализированную идеологию консультативной и психотерапевтической работы, которая пришла к нам с Запада, она не пригодна для реальной и действенной помощи страждущему, поскольку сама находится в плену панпсихологизации и определенных религиозно-идеологических установок?

Попытаюсь хотя бы в первом приближении составить примерную объяснительную схему происходящего.

К сожалению, начиная с конца 50-х – начала 60-х годов XX столетия люди, которые имеют возможность и власть проектировать развитие человеческого сообщества, в силу ряда причин приняли решение не озабочиваться развитием планетарной ноосферы, а сосредоточились на укреплении прежде всего владений Британской империи, используя в качестве основной ударной силы Соединенные Государства Америки, а в качестве идейной основы приняв проектные постулаты Томаса Мальтуса (о целесообразности сохранения «золотого миллиарда»), Бертранда Рассела (о едином «мировом правительстве»), Милтона Фридмана (о тотальной приватизации) и Фрэнка Бакмэна – основателя движения морального перевооружения, смысл которого и состоит в том, чтобы отказаться от рефлексии происходящего в действительности, в мире в целом, и погрузиться в анализ личных самоощущений. Организация «Движения за моральное перевооружение» в 20-е годы в Оксфорде под руководством Фрэнка Бакмэна (Frank Buchman) с принципами абсолютной любви, абсолютной бескорыстности, предельной открытости, акцентом на анализе самоощущений, общий замысел которого (движения) заключался буквально в создании новой мировой религии, обслуживавшей бы интересы Британской империи (см. 2).

Именно эта, умышленно манипулятивная и лживая идеология, привела к невиданному расцвету ростовщичества, сегрегации целых стран и континентов и тотальной приватизации

ресурсов планеты Земля, а в области консультативной психологии и психотерапии к засилью лжи, выступающей под личиной всевозможных идеологических манипуляций.

Началось все это в 20-е годы. По отношению к психотерапии – с четырех принципов пастора Фрэнка Бакмена, у которого и был слушателем командированный с его миссией в Китай молодой К. Роджерс: 1) абсолютной честности, 2) абсолютной любви, 3) абсолютной чистоты, 4) абсолютной бескорыстности. А закончилось, после того, как благодаря двум мировым войнам США стали финансовым гегемоном на планете, наступлением контркультуры наркотиков, секса и рока, деиндустриализацией наукоемких отраслей промышленности, тотальной архаизацией общественного сознания и, на этой почве выстроенных технологиях многочисленных государственных переворотов, общая цель которых – выкачка ресурсов из захваченных территорий. Победивший ростовщический капитализм, в отличие от капитализма производственного, всем своим мировоззрением оказывает тотальное деструктивное воздействие на все сферы человеческой жизни, оставляя за индивидом две главные свободы – свободу потреблять и свободу жить в кредит. И первое, и второе – как две головы одного чудовища, поскольку не удовлетворяя одну, ты не можешь насытить и другую. Отсюда – превалирование именно коммерческого отношения к миру вообще, и к человеку в частности. Безусловно, это не смогло не сказаться и на психотерапии. И вот в 1959 году Британским парламентом принимается Закон о психическом здоровье, в котором – цитирую: «Informal, rather than compulsory, treatment is emphasized, and nothing in the Act is to interfere with this principle. When compulsory treatment becomes inevitable there are many safeguards against wrongful detention. No distinctions is made, as regards administration, between psychosis and mental defect, all disorders of the mind coming under the heading of “mental disorder” (см. 3, с. 33).

Нет особой необходимости подчеркивать общеизвестный факт, что именно принятие этого закона индуцировало могучее движение, известное под именем «anti-illness», а в русском переводе как «антипсихиатрическое». Движение это вовсе не ограничивалось распространением сугубо антипсихиатрической идеологии в медицинском мире (Th. Szash, R. Laing и др.) – оно целенаправленно оказывало давление на все сферы общественного сознания, в том числе – через искусство, философию и право. Фильмы «Полет над гнездом кукушки», «Дон Жуан де Марко» и т.п. – яркие свидетельства возрождения в XX веке умозрительных идей И. Канта о том, что психические болезни должны лечить философы ... А нормативная база, закреплённая в законах о психиатрии, принятых, в том числе, и в постсоветских республиках, чрезвычайно осложнила и без того нелегкую жизнь врачей и родственников пациентов, страдающих хроническими психическими расстройствами, поскольку без личного заявления пациента о госпитализации поместить его в стационар стало делом практически невозможным.

Именно эта идеологическая основа стало благодатной почвой для предельной коммерциализации психотерапии и психологической помощи вообще. Различные школы, школки и техники, которых в настоящее время насчитывается около тысячи, предлагают реальным и мнимым больным («клиентам») всевозможные, порой откровенно экзотические, способы развития личностного «Я», «самореализации», «углубления самопонимания» и т.д., и т.п.

Между тем, полная драматизма и подлинной трагичности история развития психотерапии (достаточно вспомнить «животный магнетизм» А. Месмера, пресловутый

«оргон» В. Райха или радикальный до абсурда «лобomobilь» У. Фримена, не говоря уже о магическом плацебо-эффekte, тщательно замалчиваемом умудренными в изошренных техниках коллегами) явственно свидетельствует об одном и том же: при истероидном спектре расстройств (гистрионическое, диссоциативное, особенно конверсионное) людям помогает косвенное внушение, отвлечение внимания и принятие на веру воображаемых причин самовнушенных дисфункций. Невольная каузальная атрибуция, выступающая в роли мнимой причинности функциональных нарушений, служит в подобных случаях своеобразным психологическим костылем, обеспечивающим приемлемую адаптивность пациента к реалиям жизни. Во всех тех случаях, когда речь заходит об органической, биохимической или конституционально-генетической каузации расстройств, никакая психотерапия сама по себе помочь страдающему человеку не может: необходима фармакологическая поддержка с различным соотношением первого и второго, в зависимости от диагноза.

Что касается последнего. Наши исследования показывают: число обращений за **собственно психологической помощью** составляет примерно 2/3 от общего числа обращений к специалисту. Причем, у половины из них наблюдается симптоматика, требующая сочетанного лечения: и фармакологического, и психологического. А около 1/3 обращений приходится на случаи, в которых на самом деле человек нуждается именно во врачебной помощи: психиатра, невролога или нарколога. При этом событийный ряд поводов обращения к психологу невелик, он описывается ситуациями утраты или угрозы утраты экзистенциальной ценности (*отношений, здоровья, близкого человека и т. п.*). В содержании жалоб при этом преобладает спектр психологических переживаний, вызванных травмой межличностных отношений (*обида, унижение, беспомощность, ощущение тупика, душевная боль и т.п.*). При этом, как уже отмечалось выше, и пациенты врача могут зачастую нуждаться в психотерапии, но «солирует» психолог-психотерапевт и психолог-консультант все же в тех областях человеческой жизни, где речь идет именно о межличностных отношениях и отношениях вообще. В остальных случаях психолог лишь «аккомпаниатор» врача, если, конечно, он не берет на себя миссию проповедника, философа или, еще хуже, идеолога (см. 4, с. 368–369).

Подведем итоги. Проблема лжи в психологическом консультировании и психотерапии нуждается в осознании и разрешении. Эта проблема, сам факт ее присутствия в деятельности людей, оказывающих психологическую помощь, вызывает к разуму и совести каждого профессионала, который служит истинному, а не идеологическому или кастовому знанию. Каждого, кто знает, что подлинный смысл психологического лечения, этой вспомогательной практики современной копингологии, заключается зачастую лишь в многообразном варьировании эффекта плацебо-воздействия после обеспечения эмоционального отреагирования психологических переживаний, вызванных травмой межличностных отношений

Все тонкости психотехник, применяемые без прецизионной диагностики происходящего с человеком и, в случае необходимости, без показанного фармакологического лечения, выступают лишь формой злоупотребления доверием страждущего, что на языке юриспруденции является не чем иным как мошенничеством. И если для лжи пациентов (клиентов) безусловно находятся вполне оправданные и понятные причины и объяснения, то

всякое слово профессионала, обращенное к сердцу и разуму страждущего, должно оцениваться с высших деонтологических и этических позиций. Следует понимать: постольку, поскольку речь касается именно медицины, в процессе лечения практически не затрагивается система ценностных смыслов человека, т.к. лечебное воздействие направлено прежде всего на биологические системы организма, а психологические влияния призваны поддерживать общий настрой пациента на выздоровление.

В тех же случаях когда речь заходит о психологическом лечении, в котором именно система ценностных смыслов и отношений, индуцирующих те или иные состояния, выступает непосредственным предметом психоэмоционального воздействия, следует быть весьма и весьма осторожным, дабы вольно или невольно не навязать надуманные, чуждые, а то и вовсе деструктивные установки, представления и рационализации и так страдающему от отсутствия понимания происходящего человеку. В этом отношении мне представляются полезными те понятийные координаты, в которых система межличностных отношений рассматривается в культуросообразной модальности этического персонализма, категориальная структура которого в концентрированном виде отражает сущностные векторы и феномены, сочетающие в своем описании происходящего с человеком в его отношениях с другими онтологические основания, выделенные в византийском христианстве и ярче всего выраженные в русской ментальности: жертвоприношение и самопожертвование; обман и заблуждение (ошибка); бенефициар и жертва; возвышение и унижение; дарение и прощение и др. Впрочем, это уже тема отдельной статьи.

Литература

1. Бондаренко А. Ф. Русская традиция в психотерапии / А. Ф. Бондаренко, Н. С. Кондратюк // Психотерапия. – 2008. – № 6. – С. 7–16.
2. Хехт Л. Герберт Уэллс и Бертран Рассел: отцы пещерного сектанства Муна [Электронный ресурс] / Лоренс Хехт. – Режим доступа : http://www.larouchepub.com/russian/lar/2002/a4241_moonification.html
3. Бондаренко А. Ф. Культура языка в психотерапии и язык психотерапии в культуре / А. Ф. Бондаренко // Журнал практикующего психолога. – 2012. – Вып. 19. – С. 30–39.
4. Бондаренко А.Ф. Язык. Культура. Психотерапия: сборник научных статей / А. Ф. Бондаренко. – К. : Кафедра, 2012. – 412 с.

Literatura

1. Bondarenko A. F. Russkaja tradicija v psihoterapii / A. F. Bondarenko, N. S. Kondratjuk // Psihoterapija. – 2008. – № 6. – S. 7–16.
2. Heht L. Gerbert Ujells i Bertran Rassel: otcy peshhernogo sektantstva Muna [Elektronnij resurs] / Lorens Heht. – Rezhim dostupu : http://www.larouchepub.com/russian/lar/2002/a4241_moonification.html
3. Bondarenko A. F. Kul'tura jazyka v psihoterapii i jazyk psihoterapii v kul'ture / A. F. Bondarenko // Zhurnal praktikujushhego psihologa. – 2012. – Vyp. 19. – S. 30–39.
4. Bondarenko A. F. Jazyk. Kul'tura. Psihoterapija: sbornik nauchnyh statej / A. F. Bondarenko. – K. : Kafedra, 2012. – 412 s.